

ГЕРОЙ ДНЕПРА*

Раннее утро 5 августа 1943 года. К рассвету умолкли последние выстрелы, и бой затих.

На западной окраине города стрелковой роте объявлен сбор.

— Орел! Вот он какой древний русский город Орел... — молвил солдат Николай Павлов, закидывая за плечо винтовку и вытирая рукавом гимнастерки вспотевший лоб.

— Какой? Разве ты успел разглядеть город? — улынувшись, спросил его командир роты. — Товарищ Павлов, — продолжил он далее, — хотя ты и молодой боец, но действовал по-гвардейски. Я города Орла не разглядел, а вот за тобой смотрел, как за нашим орленком! Крепко ты клевал фашистов. Молодец! — сказал гвардии старший лейтенант Шустов.

* Сокращенный вариант.

Шел он быстро, размашисто, и на груди этого русского рабочего-москвича, офицера-коммуниста, прославившегося в Сталинградской битве, звенели ордена и медали, виднелись красные и желтые нашивки за ранения.

От неожиданной похвалы этого храброго командира Павлов взволновался, в груди у него что-то как бы вспыхнуло, он даже растерялся. Командир шел рядом с ним и беседовал по-дружески. Николай, подавив в себе застенчивость, заговорил горячо:

— Нет, города я тоже не разглядел... А как выбегали из подвалов освобожденные советские люди!.. Взрывы, пожары, стоны, а они навстречу нам — со слезами, со слезами радости! С цветами!.. Ждали, значит, крепко ждали нашу армию!.. Ах, как разрушили фашисты город!..

Раздалась команда. Рота выстроилась.

Разорвалась утренняя тишина. Это почтили память погибших в бою товарищей трехкратным залпом — салютом.

Усталыми, но размеренными шагами двинулся строй вперед.

Лучи восходящего солнца, грея потные спины идущих на запад воинов, нежно ласкали и провожали роту за ротой в дальний, победный путь.

Николай поправил свое снаряжение и посмотрел на восток: красные флаги Родины, поднятые над освобожденным городом, победа, мирное, золотое утро, похвала командира — и большое чувство радости разыгралось в нем, как вешние воды. Стало у него на душе светло и весело. Но в то же время вспомнил он крошечный ад войны, грохот бомбежек, скрежет танков, трескотню ружейно-пулеметного огня, гранатные бои, рукопашные схватки, перемешанную кровью и железом огненную землю, стоны раненых, смерть лучших друзей, — и Николай невольно прокашлялся — комок горечи и радости как бы застревал в горле. Чтобы не показаться расчувствовавшимся, он то и дело поправлял винтовку на плече и изредка поглядывал по сторонам: на деревьях и зеленой траве серебристым бисером сияли высыхающие на солнце капельки росы...

Четкими шагами, без шума двигалась рота. При этом размеренном движении строя на душе у воинов бурлили воспоминания и думы о пережитом, мысли о будущем, о победе. Мерное движение располагает к раздумью. Вот и перед глазами Николая Павлова промелькнули, как быстро пропущенные кадры кинофильма, страницы его жизни, жизни молодого воина Советской Армии.

Меньше, чем год тому назад, в конце августа 1942 года, он одел красноармейскую форму. Кропотливая и напряженная учеба в 112-м учебном полку в Городищенском районе Пензенской области.

Февраль 1943 года. По пути на фронт пребывание в Москве. Москва в те дни была по-фронтовому подтянута, сурова и затемнена. Над ней в мрачном зимнем небе, в лучах прожекторов серебрились аэроста-

ты воздушного заграждения... Зенитки смотрели вверх. На крышах домов несли вахту дежурные ПВО. Готовые к взлету, на аэродромах стояли эскадрильи истребителей.

Как весенний, майский гром загрела в холодное, хмурое февральское утро Сталинградская победа.

Чтобы помочь скорее отогнать гитлеровские полчища от дальних подступов к Москве, тронулся в путь на юг и эшелон, в котором находился Николай Павлов.

Остались позади Тула, село Рудниково.

Вот и передний край.

Хорошо встретили Николая фронтовики. Скоро свькся он с новой обстановкой, окопной жизнью, подружился с товарищами, полюбил командиров, беспрекословно выполнял их приказы, учился боевому мастерству...

5 августа Белгород и Орел были освобождены Советской Армией. Верховное Главное командование объявило благодарность героям Курско-Орловской битвы. Столица нашей Родины Москва дала первый салют. Эта благодарность и салют были и гвардейцу Павлову, впервые принявшему славное боевое крещение в великой битве, воевавшему отважно, заслужившему похвалы своего славного командира.

...После Орла уже на украинской земле во многих жарких боях пришлось участвовать гвардии младшему сержанту Павлову. Он дрался с немецкими оккупантами, не зная страха и отступления, подражая во всем бывалым фронтовикам-коммунистам.

За это время он отлично овладел ручным пулеметом.

— Вот это оружие! Косит фашистских извергов чище косы, не оружие, а бритва! — говорил он, довольный успехом отражения контратак врага на Десне.

Полюбили командиры и бойцы роты этого смиренного и отзывчивого, исполнительного и настойчивого воина-марийца.

— Николай подчас молчалив и задумчив, но глаза у него искрятся добром, сердечностью и решительностью, — отзывались о нем друзья.

...Три дня штурмовали наши части многострадальный город Чернигов. Вымещая на городе свою бессильную злобу, гитлеровцы бросали на него тысячи бомб, снарядов и мин, жгли и разрушали красивые здания и кварталы. Бешено сопротивлялись фашисты. Но укрепление за укреплением, дом за домом отвоевывали у них советские воины. Героически дрались бойцы и командиры роты гвардии старшего лейтенанта Шустова. Всюду были впереди гвардии младший сержант Павлов и его друг — гвардии старший сержант Гришко. Они увлекали за собой воин-однополчан, дружно и умело уничтожали сопротивляющихся и «выкуривали» из подвалов и чердаков засевших там фашистов. Жаркие были бои, горячие были схватки. Неудержим был натиск гвардейцев.

Ранним утром 21 сентября Чернигов был освобожден.

Велика была радость гвардейцев 77-й дивизии. Они одержали по-

беду и за отличные боевые действия получили благодарность Верховного Главного командования, а их дивизия стала называться Черниговской. Салютовала им Москва.

После многодневных жарких боев на Десне и в Чернигове, отбросив немцев с важного водного рубежа и выгнав их из города, наши части быстро продвигались вперед, совершая стремительные марши по пескам и болотистым низинам междуречья, а передовые отряды уже подходили к Днепру.

В украинском селе ночью был устроен привал.

В хате было чисто и тепло. Хозяйка, добродушная украинка, угощала солдат, как дорогих гостей. Потчуй своих освободителей, спрашивала не встречали ли они на военных путях-дорогах ее сынка, ведь он был ее единственной надеждой, а отца убили немцы в гражданскую войну. С возмущением без умолку рассказывала, как фашистские ироды издевались над мирными советскими людьми.

— Гоните, сынки, крепко бейте бисовых душ, фашистских катив,— говорила она, смешивая украинские и русские слова. — Но вот впереди Днипро?!

При одном только упоминании великой реки как-то по особому заблестели глаза бойцов. Герой форсирования Десны и штурма Чернигова, парторг роты, помкомвзвода, гвардии старший сержант Грицко вышел вперед и сказал:

— Перейдем, форсируем и Днипро, мамо. Одолеем немцев, прогоним их из нашей Родины и победим! Днипро извечно был нашим и будет нашим навеки! — И Грицко, ротный весельчак и запевала, перешел на песню:

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.

Задумчивую песню подхватили все, и она все нарастала и нарастала днепровской волной:

Ты увидел бой, Днепр, отец-река...
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он, как герой.

— Ах, добре, ах, гарно, хлопцы,— промолвила хозяйка.

Приумолкли. Замечтали.

— Что задумался, товарищ гвардии младший сержант? — спросил Павлова Грицко. — У вас на родине какая река?

— Я из Поволжья, Грицко. Наша Марийская республика на Волге-матушке реке и ее притоках. А почти рядом с нашей деревней Малый Ярамор протекает лесная, прозрачная река Юшут.

Растрогала песня о Днепре и Николая. На вопрос друга он незаметно для себя начал рассказывать о своей родине боевым друзьям.

Вспомнил при этом свои детские и юношеские годы, как он ходил за ягодами, на охоту.

— Богаты земли около нашей реки Юшут ягодами — земляникой и малиной, смородиной и калиной. Много в наших краях дичи для охотников. А какие у нас сосны — мачтовые!.. — перевел дыхание Николай. — Я родился в 1924 году, поэтому мало знаю, как было трудно в нашем лесном краю до революции. Отец рассказывал, как доставалось нашим крестьянам от лесопромышленников, подрядчиков и кулаков. Зимой и летом за гроши гнули в лесу свои спины наши отцы и братья, задыхались в дымных зимовках, кустарных смолокурных и скипидарных заводах, получали увечья. Тяжело заболел и мой отец. Умер он, не успев дать мне образование. Я окончил лишь пять классов. А потом пришлось пастушить. Подрос немного, начал работать в колхозе...

Внимательно и задумчиво слушали его солдаты.

— Вот, наверное, сейчас мать моя и сестра заканчивают уборку хлебов в колхозе, а потом будут работать в лесу. Я писал им: помогайте фронту ударным трудом, давайте стране больше леса... Грицко, а как интересно и красиво у нас на лесосплаве! Разольется весной Юшут, и начнется молевой сплав. Несметное количество бревен плывет по нему в Илеть, затем в Волгу, а там — на стройки, фабрики, заводы... Идут составы с лесом по железной дороге. Сколько бы мы дали строевого леса для наших строек, если бы не эта война...

— Да, Микола, — вздохнул Грицко. — Раз навязал чертов Гитлер нам войну, то мы должны разбить его в пух и прах. А потом снова строить, строить. Сколько человеческого труда, пота потребуется для этого... Микола, как ты думаешь: одолеем Днипро, отбросим немчуру со священных его берегов?

— Сдюжим, обязательно прогоним!

Грицко прервал Николая и, хлопнув его по плечу, сказал:

— Микола, размечтался, вижу, и ты. Не спишься и мне. Ведь мы на долгожданной украинской земле! А за Днепром ждут меня, вот как эта хозяйка своего сына, и мои родные, жена, сын. Какой же он теперь, сынок? Все ли живы? Замучили, наверное, их фашисты... Или они в партизанах... Уцелела ли школа, где я преподавал литературу?..

— Ах, какая ночь!.. — сказал Николай, открыв окно, и вздохнул. А воздух ранней осени был полон аромата яблок и плодов.

— Чудесная!.. А помните, как писал в поэме «Полтава» о нашей, вот такой украинской ночи Александр Сергеевич Пушкин? — И Грицко стал читать наизусть:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо...

Николай слушал своего друга и восторгался украинской ночью:

— Хорошо, Грицко, ах, как хорошо!..

— А вот послушайте еще, хлопцы, как писал Николай Васильевич

Гоголь,— сказал Грицко и, припоминая, негромко стал читать отрывок из «Майской ночи»: «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи!..»

Грицко обладал редкой способностью рассказывать и петь, беседовать и подбодрить друзей. Он был душой роты.

— Хлопцы, как хорошо сказано! Не закрыть наш Днипро, не навести тень на него фашистам, словно воронам, не удержать нас их укреплениям, как «разломанным горам»!. А вот дальше как писал Гоголь: «Когда же пройдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается от корня, дубы трещат, и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир — страшен тогда Днепр!»

— И вот, братцы, наступает этот день! Страшен будет он для фашистов, еще милее и роднее он для нас. «Чуден Днепр при тихой погоде»... Нет, еще чудеснее будет он при буре нашего натиска!..

— Хорошо читаешь, хорошо говоришь, Грицко, хоть сейчас — в бой!

* * *

На востоке занималась золотистая заря. Влажный воздух давал знать, что близка река. Бойцы расположились между кустов. В стороне собрались командиры, раскрыли свои карты и начали о чем-то беседовать между собой.

— Вправо от нас, в двух километрах, на этом берегу Днепра — районный центр Любеч. Есть ли там немцы? — спросил один из них.

Прибежал связной.

— Гвардии младший сержант Павлов! Вас вызывает командир роты. Захватите с собой побольше патронов, гранат и запасные диски.

Николай быстро встал, захватил свой ручной пулемет, получил от Грицко дополнительно патроны и гранаты, побежал вместе со связным.

— Товарищ гвардии старший лейтенант! Гвардии младший сержант Павлов по вашему вызову прибыл.

— Ну, не устал? Как себя чувствуешь? Здоров?

— Никак нет, чувствую себя отлично, здоров.

— А так ли?

Николай смотрел прямо в глаза командира роты и улыбался.

— Плавать умеешь?

— Плаваю хорошо.

— Оружие в порядке?

— Так точно. В полном боевом. Прихватил порядком и патронов, гранат.

— Ну и хорошо. Пойдемте к Днепру, пока еще не рассвело.

Командир полка гвардии майор Бойцов, командиры батальонов и рот со своими связными и гвардии младший сержант Павлов пробирались между мокрых кустов к реке. Ветви задевали лица. Было свежо и сыро. Вот и заблестела сталью вода. Днепр! Тишина...

— Товарищи командиры! Разведать лучшие подступы к берегу, найти переправочные средства и доложить мне через два часа. Действуйте! — сказал командир полка, затем позвал к себе гвардии старшего лейтенанта Шустова с Павловым.

— Товарищ младший сержант, ты у нас один из лучших гвардейцев. Воевал хорошо. Я на тебя надеюсь и приказываю разведать тот берег.

Командир пристально посмотрел в глаза Павлову. Решительный и ясный взгляд, подтянутый вид был ответом командиру.

— Разведать, как там чувствуют себя фрицы, засечь укрепления и огневые точки врага, найти лучшие места для захвата плацдарма и сигнализировать красными трассирующими пулями. В момент нашей переправы вести огонь по их огневым точкам и прикрывать нас. Ясно? Справишься?

— Ясно. Справлюсь!

— Разрешите выполнять?

— Выполняйте!

Гвардии младший сержант Павлов сделал поворот, вскинул на плечо свой РПД и исчез в кустах. За ним шел командир роты Шустов. Он еще раз проверил знание Павловым поставленной перед ним боевой задачи, подробно проинструктировал и, обняв, сказал:

— До победной встречи на том берегу!

...Расступились прибрежные лозы. Николай положил на лежащие у берега два бревна свой вещевой мешок с продуктами и боеприпасами. Поперек плотика, на мешок положил свой ручной пулемет, руками обхватил их и оттолкнулся. Холодная вода Днепра обожгла его тело.

Били и качали волны, силясь раздвинуть бревна. Наполненные водой тяжелые сапоги сразу потянули ко дну. Сильно забило сердце Николая, отдавая колоколом в уши. Почувствовал он себя птенцом в чьих-то холодных руках.

— Нет, не птенец я! — мелькнуло у него в голове. — Я же гвардеец, и чего растерялся?..

Подпрыгнув в воде, Николай навалился животом на плотик. Покачнулся пулемет, вещевой мешок чуть не провалился в воду. Будто электрическим током ударило Николая по всему телу и ему даже стало жарко.

— Только бы не утопить оружие и боеприпасы! Какой же я вояка без них?!

Река сильно относила его по течению, а он был еще недалеко от своего берега. Волны хлестали через бревна, в глаза и рот попадала вода. «Надо грести, грести вперед, во что бы то ни стало, туда... Начинает светать, заметят фашисты, станут стрелять». И Николай, качаясь на волнах, усиленно греб руками, отталкиваясь в воде ногами. Но ему казалось, что барахтается на одном месте. Вот слева внизу реку лизнул прожектор, далеко осветила небо немецкая ракета. «Неужели

осветят и здесь, и обнаружат меня?» — подумал Николай. Вытащил он из чехла свою окопную лопатку, начал ею еще сильнее грести, грести. Дело пошло лучше. Посмотрел он назад: родной низкий с кустарниками и ивняком берег уже далек. «Там — друзья... Наверное, наблюдают за мною наши», — подумал он.

Все светлее и светлее становится на востоке заря. «Вперед, вперед!» Сквозь утренний рассвет виднелся мрачный и суровый гористый с расщелинами правый берег Днепра, где зарылись, как кроты, фашисты.

Молчит вражеский берег. Фрицы, наверное, и не предполагают, что на левом берегу скапливаются войска Советской Армии, готовые навалиться огромными своими силищами на них.

Словно перед бурей притаился левый берег. Подтягиваются наши части, наблюдают, посылают разведгруппы на вражеский берег, готовят переправочные средства, готовясь к прыжку.

В такую утреннюю рань обыкновенно начиналась канонада войны. Но сейчас тишина. Николай сквозь шелест и плеск воды слышит лишь стрельбу сзади справа. «Значит, в Любече», — думает он и слышит редкое уханье пушек на юго-востоке.

Павлов сильно продрог и устал. Все труднее и труднее становится ему грести. Порой он выбивается из сил и чувствует лишь, как жутко тянет глубина реки. «Не захлестнула бы волна, не схватила бы судорога», — думает он. — Ничего, удержусь, выдержу, ведь «еду на паре», — пытается улыбаться Николай. — Как же это погубит бесславно в волнах Днепра?! Без борьбы сдаться? Нет! Какие огни боев прошел и теперь в воде? Нет, нет, огонь и воду пройду, войду в пасть зверя, не сдамся, еще зубы поломаю гаду!.. Умирать без выстрела? Нет!»

В голове Николая кружились эти мысли, вспоминались слова Грицко о Днепре, а окоченевшие руки гребли и гребли. И вот цель: долгожданный правый берег Днепра! Николай хотел встать на ноги, но повалился. Лежа наполовину в воде, кое-как снял он со своего плотика ручной пулемет, вещевой мешок и с огромными усилиями выполз на песок. «Здесь заметят немцы», — подумал он, и, выбигаясь из сил, отполз в укрытие под кручей. Долго лежал он тут неподвижно, дрожа и вздыхая.

— Лучи утреннего солнца словно прожектором осветили уголок берега, где лежал Павлов. Ему становилось все теплее и теплее. От него начал подниматься пар.

— Я же на вражеском берегу!.. Где же мое оружие, где гранаты? — молнией сверкнуло у Николая в голове. Хватился за свой ручной пулемет — он был в песке. — Не действует, откажет?! Что же тогда? Как ягненку, быть схваченным зверьми? Нет, нет! — и Николай почувствовал огромный прилив силы. Он дрожащими еще руками стал быстро вытаскивать приборы для чистки оружия.

— Я же сейчас безоружный, надо приготовить пока хоть «лимонки», — и вставил капсули в гранаты.

Когда вычистил ручной пулемет, проверил и перезарядил диски, он снова почувствовал, что страшно устал и сильно проголодался.

— Но ничего,— подбадривал себя Николай,— теперь можно подкрепиться и обсушиться...

Через широкий Днепр, сияющий в серебристых бликах, всматривался он в свой, левый берег... Каким-то внутренним чутьем он определил и сказал себе: «Вот там, на пригорке, я получил приказ и расстался с командирами. Наши, наверное, вот в тех лесах».

И Николай почувствовал себя вместе с ними, а не одиноким на вражеском берегу.

От своих его отделяла широкая река. Она сейчас не такая мрачная, какой была ночью. Хотя она играет и золотится в лучах солнца, но Днепр сейчас очень страшен для переправы — для переправы днем, на виду и под огнем врага.

— Но почему молчат немцы? Наверное, громом среди ясного дня на мою голову грянут фашисты вот с вышины этих берегов,— говорил про себя Павлов о своих будущих встречах с гитлеровцами — один против десятков, а, может, и сотен.

— Ну, порядок. Надо действовать и выполнять приказ. Бездействие — хуже прозябания, и при этом больше страху. — Николай одел на плечи лямки вещевого мешка, засунул в карманы гранаты, взял в руки РПД и, как лев перед прыжком, осторожно начал взбираться на высокую кручу берега, где сидели враги.

...Целый день молчали огневые точки противника, они не сделали ни одного выстрела. Лежа на высотке, под кустами, Николай заметил часовых и наблюдательные пункты врага, насчитал немало дотов, дзотов и пулеметных точек, прислушивался к чужой речи, в близлежащих окопах замечал движение солдат с тыла к переднему краю и обратно. Было слышно гудение моторов в рощах. Автомшины, танки?..

— Много здесь врагов, а как там — ближе к нашим, напротив них? Надо узнать. Скоро стемнеет,— и Павлов пополз по берегу. Быстро перескакивал он через овражки, таился в кустах, отдыхая. Карабкался по расщелинам гор и осторожно все дальше и дальше продвигался по круче, следя за фашистами.

Вдруг на вражеском берегу началась какофония: через голову со свистом полетели за Днепр снаряды и мины, затрещали пулеметы.

— Что это такое? — притаился Павлов. — То ли фашисты испугались таинственного молчания левого берега и дали огневой налет по Любечу и ниже, то ли к ночи решили проверить слаженность работы своих огневых точек,— и он спешно взобрался выше, чтобы разглядеть, откуда ведут огонь, и засечь огневые точки врага.

— К счастью, техники и живой силы немцев на этом узком участке, кажется, меньше. Фашисты ведут огонь сзади, где я был днем, и спереди — напротив Любеча.

Николай помнил приказ командира: где меньше фашистов и удоб-

ное место для высадки десанта,—давать сигналы очередями трассирующих пуль.

Он спешно поставил на РПД другой диск и под шум стрельбы немцев дал очереди вверх. Красные пунктиры трижды прошли темнеющее небо.

«Увидели ли, поняли ли мои сигналы?.. Переправятся ли наши сегодня ночью?» — эти мысли долго не выходили из головы Павлова. Тревожило еще и то, что мало осталось пищи, а есть хотелось.

Среди разветвленных окопов он высмотрел блиндаж фашистов, почти изолированный от других и находящийся у обрыва. Когда стемнеет, он решил напасть.

Подполз бесшумно. Слышны разговоры, значит, дверь блиндажа открыта. На постах часовых не видно. Пахнет варевом. Немцы ужинают и ведут о чем-то оживленный разговор. Николай ловил слова «рус, рус».

Мешала ползать тяжелая противотанковая граната. «Вот ее швырну, будет надежно. Немцы знают, что здесь русских нет, и подумают — взорвалась мина». И Павлов из-за бугорка запустил гранату.

Взрыв. Николай прыгнул в окоп и бросил еще ручную гранату в дымный блиндаж.

— Вот теперь совсем надежно, а гранат я достану у них же,— подумал Павлов и ворвался в полуразрушенный блиндаж. В темноте и гари, спотыкаясь о трупы, принялся искать пищу и гранаты. Наконец, нашел. «Возьму и автомат. Правда, ручной пулемет бьет хорошо, но он тяжеловат...»

Павлов выскочил и быстро побежал по заранее намеченному пути отхода и укрылся в расщелине крутого берега. Гулко билось сердце. Дышал тяжело, жадно. Не успел отдышаться, как услышал, что фашисты уже бегут к взорванному блиндажу...

Ночью поплыли туманы над Днепром. Стало холодно сидеть без движения в темной щели, накрытой, как мокрой ватой, пеленой тумана. Гитлеровцы нервничали—то тут, то там вели беспорядочную стрельбу. Выбрался Николай на кручу и прислушался: не переправляются ли наши, что делают фашисты? Но ничего не различал, лишь были слышны взрывы со стороны Любеча.

Светало. Наступало долгожданное утро. Николай с нетерпением ждал переправы своих. Но везде было тихо. Вот загудела артиллерийская канонада где-то далеко внизу по течению Днепра.

С восходом солнца начал таять туман.

— Сегодня опять не переправились... Где же наши? Что же мне делать? — сквозь сон думал Николай. И вдруг он услышал рядом с собой топот и шорох. Посмотрел из-под куста: идут четыре гитлеровца прямо на него!.. Нет, видимо, спускаются за водой с двумя бидонами к Днепру.

Как быть?..

Неожиданные очереди из трофейного немецкого автомата, и повалились четыре трупа в овраг.

«С утра сегодня удача: на ловца и звери бегут», — подумал Николай и обыскал мертвых фрицев. Взял у них солдатские книжки — они пригодятся командиру, себе взял автоматы с патронами, сбросил в глубокую яму трупы, закидал их ветками и вернулся в укрытие. «Теперь у меня боеприпасов полно, оружия хватит хоть для отделения. Но где же наши, почему они не переправляются? Может быть, перешли на другой участок фронта?» — неотступно сверлили его голову одни и те же думы.

Он осторожно вскарабкался на высокую кручу, лег, тщательно замаскировался и стал наблюдать. Потом его мысли перенеслись домой — далеко в Марийскую республику. Вспомнил он родных, друзей... Вспомнилось ему, что в детстве вот в такую же раннюю осень он пастишил и искал на древнем кладбище среди орешников заветный камень могильника богатыря Вашпатыра, который, по преданию, будто находился почти рядом с их деревней. Рассказывали вечерами старики, что Вашпатыр был очень добрым к трудящемуся люду и беспощадным к иноземным угнетателям, а также к «своим» кровопийцам. Он был настолько велик и силен, что дубом, вырванным с корнями, истреблял несметное количество неприятельских войск. После битвы он разувалялся и засыпал трупы врагов набравшейся в лапти землей. Так, говорят, образовались большие горы на его родине в Моркинском районе: Карман-курук и Чонга-курук.

«Вот так бы громить фашистскую нечисть», — думал Николай.

В это время увидел он двух гитлеровцев, спускавшихся в овраг, видимо, в поисках убитых четырех солдат, которые так и не принесли воды и нашли свою бесславную гибель на берегу Днепра.

«Обнаружат они меня и поднимут тревогу. А мне сейчас помощи ждать не от кого. Надо покончить с ними! Спустишь ниже, пропущу их в овраг и дам очереди красными трассирующими пулями, это будет одновременно и сигналом для своих».

Раздались гулкие выстрелы в овраге. Один солдат повалился, а другой, раненый, заорал. Еще очередь, и он замолк навеки.

«Чего доброго, обнаружат здесь меня. Сменить позицию! — решил Николай. Сбежал он вниз, стаил трупы в расщелину оврага, замаскировал их и спешно поднялся по гористому берегу вверх, ближе к немцам. — Так будет удобнее: под своим носом они меньше будут искать...»

И, в самом деле, весь день прошел у Николая в тайном тревожном наблюдении за тем, как гитлеровцы шумели, бегали, искали. Стало жутко.

Вечером озверевшие немцы палили из всех видов оружия по тихому левому берегу. Еще бы! Взрыв блиндажа, потеря шести солдат среди белого дня на своем берегу, который они считали недоступным для со-

ветских воинов, доставили им немало горечи, загадок и тревог. И они свирепствовали.

Гвардии младшему сержанту Павлову это время одиночества в стане врагов показалось вечностью. Чудилось, что от чрезмерного напряжения вот-вот лопнет терпение, и он решил: была не была, вечером перебраться под кручу, ближе к воде, и под шумок немцев давать своим сигналы.

Сделал он это с большим трудом и опаской. От долгого ползания и карабкания по кручам, от каждого теперь лишнего движения, от содрогания при каждом шорохе и выстреле, от всей нервной взвинченности Николай изнемог, вытянулся в ямине и впал полузабытье...

«Что такое?! Плещут волны Днепра... или это плеск весел?» — сквозь сон прислушался Николай.

Тихо. Темно. Зябко.

Как мокрая перина, густой туман над Днепром.

Всплеск. Другой.

«Это волны подкатываются к ногам?»

«Нет, нет, плывут на лодках! Свои!»

— Сюда, сюда! — вскочил и крикнул Павлов, но так перепугался своего голоса, что сердце его готово было выскочить, как вспугнутая птица из гнезда, ведь так можно обнаружить себя, выдать врагам своих и провалить все дело.

Не успел Николай опомниться, как услышал шелканье затворов и тихий окрик:

— Кто там?

— Руки вверх!

Какая была встреча со своими гвардейцами, выскочившими из лодок!

— Микола, ты жив?! — Грицко обнимал Павлова.

Командир роты хлопал его по плечу: — Вот орел! Молодец!

К берегу все быстрее подплывали лодки и плоты с бойцами.

Шустов отчетливо, но негромко отдал приказ:

— Десанту подготовиться к бою!

— Ну, товарищ Павлов, — сказал потом Николаю, — доложи обстановку и веди нас туда, где можно прочно закрепиться на плацдарме и откуда лучше бить фашистов.

Гвардейцы тронулись. Николай шел рядом с командиром и то ропливо, коротко рассказывал свои разведывательные данные — где больше противника, где укрепления, где огневые точки.

Едва успели подняться на крутой берег, как началась бешеная пальба из всех видов оружия: враг обнаружил наших бойцов. Взлетели ракеты и таяли в тумане предутренней мглы. Завыли мины и снаряды, но они взрывались сзади, в Днепре. Гвардейцы ринулись вперед — в окопы фашистов. Павлов лег на бруствер и начал стрелять в доль окопа, не давая сосредоточиваться врагам для контратаки.

Завязался бой, страшный бой за плацдарм, за Днепр!

Николай дрался в этом бою особенно храбро. Ведь он теперь был плечом к плечу с друзьями, а не одиноким бойцом в стане врагов. Он чувствовал себя еще сильнее потому, что уже хорошо успел изучить местность и оборону врага, рядом с ним был командир роты, и Павлов вовремя подсказывал ему, где и какие препятствия фашистов на пути.

С рассветом Николай увидел, как Грицко вел бойцов на штурм вражеских укреплений и кричал:

— Вперед за Родину, за наш Днипро!

«Не в офицерской ли он форме?» — мелькнуло в голове Николая.

Командир роты крикнул:

— Молодец, гвардии младший лейтенант! Вперед, Грицко!

Посмотрел Павлов на своего командира и на его плечах увидел погоны с четырьмя звездочками. «Гвардии капитан!» — от радости хотел было вскрикнуть, но над головами пролетели, свистя и шелестя, словно глотая воздух, наши снаряды и мины. Впереди гвардейцев, разрушая в щепки вражеские укрепления, поднялись столбы взрывов. Бой разгорался.

Гвардии капитан Шустов, положив телефонную трубку, приказал:

— Товарищ Павлов! К командиру полка. Доложите: рота Шустова закрепилась во вторых траншеях врага.

— Есть! — крикнул он.

«Уходить в разгар боя?.. Да еще на тот берег. Оставлять друзей...» — Николай нехотя повиновался приказу.

...Командир 218-го гвардейского стрелкового полка гвардии майор Бойцов расспрашивал по телефону обстановку на правом берегу и отдавал приказы.

Улучив свободную минуту, Николай доложил:

— Товарищ гвардии майор! Гвардии младший сержант Павлов по вашему вызову прибыл.

— А-а, наш герой Днепра? Поздравляю! Благодарю, благодарю! Ну, докладывайте: как там?

Николай, волнуясь, стал рассказывать, что видел, какие укрепления заметил, где был слышен шум моторов, а командир полка изредка прерывал его вопросами, уточнял обстановку и делал пометки на карте.

Когда Николай положил на стол солдатские книжки убитых им фашистов, командир вскрикнул:

— Ба-а, старые знакомые! На Десне дралась эта же дивизия против нас. Не удержалась она там, и на Днепре ей будет конец!

В блиндаж командира полка вошли три офицера и доложили:

— Товарищ гвардии майор, приданная вам часть гвардейских минометов прибыла. Какие будут указания?

— Саперы и понтонеры прибыли.

— Танковая бригада на подходе.

— Садитесь, прошу раскрыть ваши карты...

Павлова перехватили политработники и корреспонденты, расспрашивали, записывали, фотографировали. Николай стеснялся и сердился излишним расспросам в такую горячку боя, все посматривал на тот берег — в сторону громающего боя.

Переправа через Днепр под огнем врага на сей раз ему показалась страшной, чем тогда ночью, но на душе у него была радость, его тянуло вперед, туда, на врага.

Гвардеец Павлов снова в бою. Еще два дня отважно бил он фашистов. Но на третий день, рано утром, уже вдалеке от Днепра вонзилась ему в грудь вражеская пуля.

* * *

После госпиталя гвардии младший сержант Павлов учился на курсах разведчиков под Черниговом и попал в разведроту другой дивизии, участвовал в лихих налетах на врага, в вылазках в тылы гитлеровских войск, во многих приключениях по захвату «языков» и в жарких боях за освобождение Белоруссии. Но опять сразила его разрывная пуля врага.

Но, как говорится в песне, смелого и пуля не берет!

Долго лежал Павлов в госпитале, далеко в Новосибирске.

В солнечный зимний день в палату принесли газету. Она была с Указом Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза. В числе других вычитали: «Гвардии младшему сержанту Павлову Николаю Павловичу.. Москва, Кремль. 15 января 1944 года».

Все в палате поздравляли Николая, а он не мог поднять и головы, лишь светились огоньком его глаза.

...Лето 1944 года. 15-я гвардейская стрелковая дивизия, прорвав оборону немцев под Осиповичами, вела наступление на Бобруйск, затем на Минск—Слоним—Белосток и ворвалась в Восточную Пруссию.

Дорогой этого великого победного наступления шел и Герой Советского Союза Николай Павлов. Вместе с другими он форсировал Вислу недалеко от столицы Польши — Варшавы, участвовал во взятии Данцига, Гдыни, форсировал Одер, штурмовал Штеттин. Далекое в логове врага — в Германии — он встретил долгожданный День Победы!

* * *

Над рейхстагом в Берлине водружено советское Знамя Победы. Гитлеровцы повержены. Оставшиеся капитулировали.

Штаб Советских войск в Потсдаме. Маршал торжественно вручает большой группе Героев Советского Союза Золотые Звезды и орден Ленина.

— Товарищи бойцы, сержанты и офицеры героической Советской Армии! Дорогие друзья! — говорит он, обращаясь к строю прославленных богатырей. — Вы — партийные и непартийные большевики, верные

сыны единой семьи многонационального великого советского народа, отважные воины Вооруженных Сил, беспредельно преданные патриоты социалистической Отчизны! Под мудрым водительством Коммунистической партии вы совершили чудеса храбрости и отваги: освободили нашу великую Родину от чумы фашизма, освободили народы Европы из-под ига гитлеризма и разгромили озверелого врага в его логове. Ваши ратные подвиги вошли в скрижали истории. Перед нами теперь стоит задача: восстановить разрушенное гитлеровцами народное хозяйство, продолжить прерванное войной коммунистическое строительство в нашей стране. Вы жаждете мирного труда по поднятию благосостояния и культуры нашего советского народа, измученного за годы войны. Он заслужил хорошей жизни. Мы стосковались по любимой Родине, и многие из вас возвратятся в родные края, домой. Чтобы мы спокойно могли строить коммунизм, нам нужен мир. Поэтому мы должны крепить мир в Европе и во всем мире. А чтобы крепить мир, нужно каждому из нас — в рядах ли Советской Армии — армии освободительницы, дома ли — на ниве мирного труда — крепить могущество нашей Родины, крепить дружбу народов, крепить монолитное единство партии, правительства и народа, героически трудиться и отлично учиться. Поздравляю вас с высокой наградой великой Родины!

— Служим Советскому Союзу! — дружно ответил строй Героев. Среди них был и гвардии сержант Николай Павлов.

* * *

В цветущую весну 1947 года прославленный воин-герой Павлов вернулся в родную Марийскую республику. Работал он в лесу, на берегах еще с детства так хорошо знакомой реки Юшут, сначала электриком, затем по болезни перешел на работу по вербовке кадров, а после был назначен комендантом лесного участка. Он проявлял отеческую заботу о материальном и культурном обслуживании рабочих-лесозаготовителей. Он — их советчик и помощник. Часто проводил он задушевные беседы и вдохновлял их на успешные дела.

— Каждое бревно, каждая доска, каждая рудостойка — это вклад в восстановление разрушенного войной народного хозяйства, в строительство новых светлых домов на опустошенных гитлеровцами территориях, в строительство новых фабрик, заводов, шахт, железных дорог, новых городов и поселков. Больше и лучшего качества стройматериалов мы должны дать Родине! Они будут кирпичиками в укреплении дела мира и в возведении величественного здания коммунизма! — говорил мирный воин Павлов.

Эшелон за эшелонам шли поезда с марийским строевым лесом и новыми домами в сторону Москвы, на строительство волжских гидроузлов — величайших электростанций, в степи и горы — к целинникам и геологам, на новостройки Поволжья, России, Украины и Средней Азии.

Провожая их, Николай долго, с довольным видом смотрел и говорил им вслед:

— Это вам, боевые друзья! Вашим семьям и потомкам! Вам, гвардейцы строительства коммунизма!

В последние годы Павлов — пенсионер — жил и работал в своем родном укрупненном колхозе «Совет». Болел. Умер 8 мая 1968 года.